

Humanitas

Роман Перельштейн

Старая дорога

эссеистика,
проза, драматургия, стихи

Humanitas

Роман Перельштейн

**Старая дорога. Эссеистика,
проза, драматургия, стихи**

«ЦГИ Принт»

2017

УДК 1(470)(091)(082.1)
ББК 87.3

Перельштейн Р. М.

Старая дорога. Эссеистика, проза, драматургия, стихи /
Р. М. Перельштейн — «ЦГИ Принт», 2017 — (Humanitas)

ISBN 978-5-98712-588-5

В книгу литератора и искусствоведа Романа Перельштейна вошли работы последних лет: эссеистика, посвященная творчеству религиозных мыслителей Г. С. Померанца и З. А. Миркиной; проза нулевых годов; киносценарий «Та-ра-ра-бумбия, сию на тумбе я», пьеса «Допрос» и цикл стихотворений. Автор описывает свою духовную эволюцию, не пропуская ни один из ее этапов. Художественная ценность подобных свидетельств играет немаловажную роль, а иногда и решающую. В представленных произведениях отражены те внутренние изменения, которые произошли с автором, и происходят с каждым, кто возвращается к истоку своей личности. Знамен, под которыми становится возможен путь в глубину, много, но дорога одна. Книга адресована широкому кругу читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 1(470)(091)(082.1)

ББК 87.3

ISBN 978-5-98712-588-5

© Перельштейн Р. М., 2017

© ЦГИ Принт, 2017

Содержание

Предисловие	6
Раздел I. Эссеистика	9
На косяе	9
На глубине бытия	11
Вестничество Зинаиды Миркиной	17
1	17
2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Роман Перельштейн
Старая дорога. Эссеистика,
проза, драматургия, стихи

© С. Я. Левит, автор проекта «Humanitas», составитель серии, 2017

© Р. М. Перельштейн, 2017

© Центр гуманитарных инициатив, 2017

Предисловие

Любовь с первого взгляда и на всю жизнь возможна. Теперь я знаю это. В моем случае такой любовью безусловной и безграничной стала любовь к двум глубоким старикам, сердец которых время не коснулось. Это Григорий Померанц и Зинаида Миркина.

Я познакомился с ними в октябре 2010-го года, переступив порог нищенствующего Музея меценатов и благотворителей, в котором они вели свой философско-поэтический семинар. Увидев и услышав Померанца и Миркину, я понял, что вернулся домой. Мое сближение с четой мудрецов было стремительным и непостижимым. Ответы на неразрешимые вопросы приходили из собственной глубины, и я всегда знал эти ответы, но далеко не всегда доверял своей глубине. Однажды я попытался выйти из поля зрения Померанца и Миркиной, посчитав, что становлюсь навязчивым, но тут же был отчитан ими. «Почему пропали? Почему не звоните?» Больше я таких попыток не предпринимал. Наши встречи становились все чаще, беседы все дольше. Душевная щедрость и духовная стойкость этих людей не переставали поражать меня.

В феврале 2013-го Григория Соломоновича не стало. Он ушел на 95-м году жизни. Однако семинарские занятия в музее на Донской продолжают и по сей день. Зинаида Александровна читает лекции за двоих, а ведь в 2016-м она разменяла десятый десяток. Но и в девяносто стихи продолжают идти лавиной. И сборник выходит за сборником. Случай этот не просто уникальный. Он – единственный. Человек жив духом.

Тексты, вошедшие в книгу «Старая дорога», сгруппированы вокруг 2010-го года. Они написаны либо до этого рубежа, уже приближаясь к нему, либо после. 2010-й стал переломным для меня: я начал видеть. Конечно, я видел и раньше. Представленные в книге автобиографическая проза и литературный сценарий, посвященный таганрогскому периоду жизни А.П. Чехова, написаны в нулевые годы. Однако это был взгляд, обращенный, скорее, вовне, чем вовнутрь. Я не могу назвать свой взгляд этих лет поверхностным, и все-таки внутреннего переворота во мне тогда еще не произошло. Когда же это случилось, мне пришлось как бы заново учиться говорить. И вот что самое удивительное: я и не подозревал, что нахожусь в глубоком кризисе самих оснований своей жизни. Осознание, что дальше идти было совершенно некуда, появилось много позже. А тогда... Тогда стояла аномальная жара, горел торфяник, дым подземных пожаров закрывал солнце...

Первые шаги в литературе я сделал в начале 90-х. Интерес ко всему странному, не советскому, в ту пору был огромным. Нравилась те писатели, которые не боялись подсознания, его лабиринтов. И вот я, как и многие мои сверстники, пытался проникнуть в дебри несознаваемого, еще не обладая достаточным духовным опытом. И я встретил своего Минотавра. И я его описал таким, каким я его увидел. В тот период были написаны «Азбука сновидений» и ряд теоретических работ, которые сами собой благополучно затерялись. Когда же я прошел через лабиринт и разглядел всех этих подмигивающих существ, то я понял, что они мне ничего не дают и мою глубину не открывают, а отвлекают меня и уводят в еще более густые заросли экзотического и странного, но не глубокого и сердечного.

Подсознание это не только Кафка и Камю, это и Набоков, это символизм с его «психологической лирикой», это целый пласт, от которого трудно вот так взять и отвернуться. Это нужно пройти насквозь. Не разоблаченное подсознание остается для тебя манком, тем, что будет всегда притягивать и мучить.

Над монографией «Конфликт “внутреннего” и “внешнего” человека в киноискусстве», посвященной духовной проблематике кинематографа, я работал во второй половине нулевых годов. И хотя она вышла в свет в 2012-м, ее концепция сложилась до торфяных пожаров, то есть до переломного десятого года. В «Конфликте...» я даю оценку сновидению и сфере подсозна-

ния в целом как области, нуждающейся в просветлении и преображении. Но в этой же работе, следуя за русской религиозной мыслью рубежа веков, я позволил себе поверхностные суждения о восточной мудрости. Западная философия, и даже мистика, не говоря уже о русской метафизике, так и не приняли духовного наследия Востока, не разглядели один, питающий всякую мудрость источник глубины. Глаза на Восток мне открыли Померанц и Миркина, а вернее, даже не на Восток, а на целостность мистического опыта. Во второй монографии «Видимый и невидимый мир в киноискусстве» (2015) я предпринял попытку отдать дань духовным традициям как Запада, так и Востока, разрабатывая модель их синтеза.

Подсознание, скажем о нем еще несколько слов, не деструктивно само по себе. Вот только в нем нет различения между стихией и духом. Оно тесно связано с интуицией, но до высшей интуиции ему далеко. В него можно входить только как в бесконечное доверие Господу, а не как в свой эгоистический узкий мир. В заливе вечности, о котором говорил и писал Померанц, тебе уже никакое подсознание не страшно.

Померанц и Миркина дали мне тот чистый воздух, которым можно дышать и во сне, и наяву.

Раздел эссеистики, которым начинается эта книга, посвящен анализу их творчества. Здесь же помещены тексты выступлений в музее на Донской, приуроченные к дням памяти Померанца. Завершается раздел очерком о художнике В.В. Коханском. Это одна из тех «совершенно живых душ», к которым беспрестанно обращаются наши мудрецы.

Проза представлена рассказами и повестью «День флага».

В драматургический раздел книги помимо литературного сценария «Та-ра-ра-бумбия, сию на тумбе я» вошла пьеса «Допрос» (2016), события которой разворачиваются в 2023 г. Это пьеса о драме интеллигенции начала нынешнего века, о психологическом и нравственном тупике и возможных путях выхода из него.

Небольшой комментарий к «Та-ра-ра-бумбии...»

В марте 2010 г. ко мне обратился театральный режиссер Владимир Байчер с просьбой дать оценку сценарию, посвященному таганрогскому периоду жизни А.П. Чехова. Литературная основа фильма принадлежала перу сценаристки Юлии Глезаровой. К сожалению, сценарий не удовлетворил продюсера Вадима Гамана, хотя он полностью рассчитался с автором. Что же, такое бывает. Я изложил свои соображения, после чего продюсер предложил мне переписать сценарий, а по сути создать новый сценарий. Что я и сделал. После третьей редакции Гаман принял работу, но необходимой суммы на производство фильма не нашел. Бывает и такое. И довольно часто. Однако я не теряю надежды, что когда-нибудь герои «Та-ра-ра-бумбии» обретут свою жизнь на экране.

Завершается книга поэтическим разделом, который представлен циклом стихов «Старая дорога» (2013–2016). Это название стало и названием книги. Стихи, которые писались до 2010-го года, я уже не могу воспринимать как свои. Впрочем, я трезво отношусь к произошедшим переменам и стараюсь не выдавать желаемое за действительное.

И сумеречная зона подсознания, и свет сознания, но сознания ангажированного, заносщегося, претендующего на истинность, таят в себе опасности, которые стоят друг друга. Каков же главный урок Григория Померанца и Зинаиды Миркиной? Мы должны преодолеть заблуждения своего поколения, своего народа и даже своего вероисповедания, если поколение, народ и вероисповедание мешают нашей встрече с Богом.

Благодать дается даром, заслужить ее невозможно, и все что от нас требуется – это с великой благодарностью принять ее. Однако как же это, порою, тяжело! Мудрец сказал: «Благодать несправедлива». Я ценю то, за что заплатил большую цену, но как принять то, чему я цены не знаю, что превышает меру моего понимания? Ты допущен к сокровищнице, каждый к ней допущен, но не каждый поверит в то, что это возможно. Вот здесь-то и необходим пры-

жок веры. Миркина скажет об этом так: «Жизнетворный источник – рядом, / Лишь доверья недостает».

Сила благодати проявилась для меня в духовном поприще Померанца и Миркиной, в их судьбе, в их тихой проповеди. Если ты стал проводником того, что больше тебя, то тебе уже не о чем беспокоиться. В этом и заключена тайна того незыблемого покоя, на котором стоит мир.

Сентябрь 2016 г.

Раздел I. Эссеистика

На косе

Сзапада дует сильный, но теплый ветер первых дней осени. Мы сидим на конструкции для удержания кочующих дюн. Это растянувшаяся на сотни метров сосновая решетка из бревен, жердей и кольшкков, которая отделяет песчаный вал от моря.

Нас трое. Зина, ее духовная дочь из Норвегии Ирочка Воге и я. Тяжелые балтийские тучи закрывают садящееся в море солнце, но в разрывах туч горит огонь, причудливый, как самородная медь. Мы молчим, потому что настал час молитвы. Когда стемнеет, Зина поманит нас и тихим незнакомым голосом прочтает стихи. Она их сложит в себе набело, без бумаги, на наших глазах. Мы приникнем к самому ее лицу, чтобы услышать новую молитву. А пока мы смотрим вдаль.

Прикованный к горизонту взгляд медленно, очень медленно движется. Свинец громоздящихся туч не позволяет огню пробиться к югу, а вот к северу свет заходящего солнца прокидывается свободно. Свет встречает на своем пути башенки бледно-голубых облаков и торжественно золотит их зубцы. Я знаю, моя душа вместит весь мир, однако эта минута еще не пришла. Еще не приготовлена к ней душа.

По деревянной лестнице, ведущей к воде, спускается закутанная в платок женщина со скотч-терьером на поводке. Такая собака была у клоуна Карандаша. Звали ее Клякса. Наша Клякса белая. Мы сидим у самой лестницы, и мне удастся разглядеть шотландского терьера хорошо. Поравнявшись с нами, белая Клякса с подозрением смотрит на Ирочку Воге, с осуждением на Зину и с возмущением на меня. Ей приходилось иметь дело с разными собачьими и человеческими шайками, но она еще ничего не знает о такой, как наша. Интересно, чем это они тут занимаются? Однако у нее нет времени на то, чтобы додумать эту мысль. Хозяйка отстегивает карабин, и ее коротконогий питомец, забавно перекатываясь с задних лап на передние, пересекает узкую полосу пляжа. Скоро, совсем скоро солнце скроется за горизонтом.

Не сговариваясь, мы с Ирочкой решаем пройтись. Но идем мы в разные стороны, чтобы душа смолчалась с морем. Набегает шумная волна, оставляет на песке след в виде тонкого кружева пены. Мокрый песок Куршской косы отливает перламутром.

Почти одновременно мы возвращаемся. Зина всем существом молчит, но встречает нас приветливо, встречает глазами, полными неба и огня. Не пошевелившись, обнимает нас всю зарей. Через час небо померкнет, ветер усилится. Тогда Зина призовет нас, переведет на человеческий язык то, что вложил в ее сердце Бог, и мы поцелуемся. Такова традиция.

Когда ты говоришь с кем-то о Боге, то в конце разговора у тебя появится только одно желание – обняться и пролить благодарные слезы. Если этого не случилось, значит вы говорили не о Боге. А высшее счастье – это вместе с кем-то молчать о Боге. Молчать так долго и глубоко, пока душа не перейдет свой предел.

Небо гаснет, но не всё, не сразу, и не сразу, и не всё гаснет море. Над зеркалом воды стоит какой-то странный серебряный свет. То ли так отливает светлый гребень волны, то ли глаза слезятся на ветру. Карминовая полоса зари все еще отделяет небо от воды.

Белая Клякса возвращается. Скотч-терьер заходит под лестницу, гибает конструкцию для удержания кочующих дюн, усаживается слева от Ирочки и устремляет свой взор в вечернее небо. Он пристально и без всякого практического интереса смотрит в ту же сторону, в которую смотрим мы. Я еще не видел собак с таким одухотворенным и нелепым выражением лица. Белая Клякса сразу поняла, что в этой шайке не принято шуметь и чесаться. Она превращается в небольшое лохматое изваяние, преданное нам до кончиков своих треугольных ушей. Строго

осудив нас попервоначалу, она из собачьей деликатности переходит в нашу веру. Впрочем, ее мотивы мне не ясны.

К нам приближается женщина, закутанная в платок. Она не может взять в толк, что здесь происходит. Почему эти люди битый час сидят на ветру и не сводят глаз с пустого горизонта. Но еще меньше она понимает, что в этой компании делает ее собака. Однако нарушить тишину и общую неподвижность хозяйка шотландского терьера не решается. Она очень вежливо подает белой Кляксе немые знаки, мол, пора и честь знать, призывает умильными жестами своего питомца, но питомец и в ус не дует. Он даже не смотрит в ее сторону. Кляксе открылась бездна, или не открылась, но, наверное, она открылась этим трем путникам, а значит, и ей перепадет кусочек.

Женщина, закутанная в платок, скрипит ступенями лестницы. Колотит лапами по ступеням и ее пес.

В синей тьме на ветру с Зининых губ сходит молитва. Тихие из самого сердца добытые слова. Певучие строки не сгорающей в огне Саламандры. И мы снова постигаем единый мировой закон. Он очень прост. Молчи и слушай. И вдруг я ощущаю себя белой Кляксой, которая смотрит в ту же сторону, что и наша Саламандра. Наконец-то я увидел себя со стороны и уже не питаю никаких иллюзий относительно своей духовной пробужденности. Но разве не с этой собачьей верности начинается путь к тому, что ты никогда не сможешь разлюбить?

Сентябрь 2016 г. Курильская коса

На глубине бытия

Книга Григория Померанца «Записки гадкого утенка»¹ это не только мемуарная проза. Это род духовной автобиографии. Это попытка осмысления пережитого как на душевном, так и на духовном уровнях без намерения четко разделить их, но и с явным указанием на то, что уровни эти тяготеют к разным полюсам жизни.

Мир Божий гибок и текуч, и он продолжает твориться. Нет таких слов, которыми можно было бы выразить окончательно сокровенную тайну мира, и нет такого языка, на котором можно было бы с последней точностью описать Того, Кто стоит за этой тайной. Но есть глубина, на которой тайна открывается нам, причем открывается не сразу. Об этой глубине и на этой глубине говорят пророки. Через них мы узнаем и будем узнавать что-то новое о нашем сердце, которому нет предела. Границу имеет только внешняя оболочка человека, связанная с принадлежностью к той или иной социальной общности, национальности, к тому или иному вероисповеданию. Сердцевина же нашего существа распахнута в беспредельность.

Образ гадкого утенка, пасынка империи, позволяет взглянуть на XX век, да и на времена нынешние, глазами всесторонне образованной, деятельной, независимо мыслящей и чувствующей личности. Эта личность размышляет о самой себе не в категориях монолита. Она не бравировует своей причастностью к мощному политическому, общественному или духовному движению, с которым ассоциирует себя большинство. Она размышляет о себе в категориях творения Божьего, что и делает эту личность неотъемлемой частью некоего творческого меньшинства. Но бремя отщепенства и странничества не гнетет ее, а помогает выстоять. Нельзя это бремя предавать, нужно вырасти в его полную меру, чтобы остаться человеком тогда, когда люди монолита, засучив рукава, выкорчевывают все несговорчивое. «Одна пара глаз, раскрывающихся на глубокое, важнее тысячной толпы»², – не устает повторять Померанц.

Тема «лишних людей», без которой русскую классическую литературу представить уже невозможно, идет параллельно линии, прочерченной в культуре и в истории гадкими утятами. Гадкий утенок это ведь еще и собирательный образ группы людей, пробивающейся, как трава сквозь асфальт, в любую эпоху. Гадкие утята в отличие от «лишних людей», не могут себе позволить такой роскоши, как капитуляция. Мол, государственная машина слишком груба и примитивна, чтобы оценить все наши достоинства, а потому мы, лишние люди, отказываемся метать бисер перед свиньями. Сдаться без боя означает для гадких утят струсить, спастись перед людьми «необходимыми». И утята рвутся в бой, лезут на рожон. Христианские добродетели гораздо чаще, чем принято думать, замешены на личной отваге. Трусость, выданная за смирение, такой же самообман, как бездейственность души, рядящаяся в демонические одежды отверженности. Гадкий утенок, не победивший в себе труса и мечтателя-пустоцвета, тут же превращается в самодовольную домашнюю птицу, которая полагает, что она и есть хозяйка жизни. Только когда трус и мечтатель повержены, можно сделать шаг, а то и два шага назад, отведя себе место некоего второго, то есть умалив свою персону и тем самым до конца открыв Богу свое сердце. Образ «второго» гораздо больше говорит о феномене гадкого утенка, чем социально-психологический тип, именуемый «лишним человеком». И потом «лишние люди» редко поражены в социальных правах, чего не скажешь о гадком утенке, но это уже особый разговор, особая тема, которую автор так же бесстрашно поднимает, как и все остальные темы, сколь бы публичными или интимными они ни были.

¹ 1-е издание вышло в 1995 г. в издательстве «Московский рабочий». С этого времени книга неоднократно переиздавалась в разных издательствах.

² Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: *Померанц Г. С. Записки гадкого утенка*. М.: РОССПЭН, 2003.

Читателя исповеди, а «Записки гадкого утенка» более всего тяготеют к исповедальному слову, не может оставить равнодушным полемический накал в прояснении таких реалий, как народ. Автор «Записок» не только ученый с мировым именем, он – фронтовик, активный участник политической оппозиции, по которому, как и по миллионам его соотечественников, прошелся каток сталинских репрессий. Отсюда и вызов Григория Померанца всем тем, кто старается «выпихнуть» из истории гадких утят. «Я интеллигент, и народ не со мной. Я еврей и на мне несмываемая вина». Именно так считают «необходимые» государственные люди. Как же разгадывается русской историей XX века загадка «безродного космополита», «беспочвенного интеллигента» на фоне темы диаспоры вообще и еврейской диаспоры в частности? И существует ли такая загадка? Полагаю, что существует.

Мне чрезвычайно близок образ гадкого утенка как этнического и социально-культурного чужака, пускающего корни в небо. Он мне понятнее русского эмигранта-сиониста, достигшего Земли обетованной, или отечественного почвенника солженицынского типа. Кризис национальной самоидентификации возник уже на заре новой эры. Будучи Сыном Давидовым, Христос отказывается быть только иудеем. Он пришел ко всем. Гадкий утенок, пускающий корни в небо, это все тот же прорыв к свободе, которой как бы не отведено места на земле. Вот откуда эпитеты «беспочвенный» и «безродный».

Размышляя о Солженицыне, Померанц пишет: «Ему нужен был миф о народе, в котором таится некая вечная духовная сила, потерянная интеллигенцией». И тут же признается в своей захваченности историей в 60-годы: «И вот я создал миф об интеллигенции, способной обновить общество, поставив в центре свою творческую жизнь, и от этой жизни все может и должно преобразиться...». Трудно сказать, насколько жизнеспособны оказались эти мифы, это не так уж и важно. Важно то, что первый миф был готовым ответом, а второй – мучительно формулируемым вопросом...

На философско-поэтическом семинаре Померанца и Миркиной, который проходил в ноябре 2010 г., Зинаида Александровна прочитала стихотворение, посвященное Второму Лицу Троицы. Я размышлял над стихом и над ее словами тогда, продолжаю размышлять и сейчас: узнаем ли мы Христа, если Он придет сегодня? И продолжаю думать над словами Григория Соломоновича, который, отвечая на вопрос о том, существуют ли сегодня такие реалии, как народ и интеллигенция, уточнил значение слова «интеллигенция». Он вел разговор об интеллигенции как о творческом меньшинстве. Удивительно, как близки друг другу затронутые темы и поставленные вопросы.

Мне кажется, что Христос не может явиться народу, хотя у художника Иванова и существует живописное полотно с подобным названием. Христос не может явиться и творческому меньшинству, как назвал сегодняшнюю интеллигенцию Григорий Соломонович. Христос не может явиться даже отдельно взятой личности, хотя, казалось бы, Он приходит именно к личности. Христос может явиться только нашему внутреннему человеку, внутреннейшему человеку, потому что Христос никогда не переставал быть нашим внутреннейшим человеком. И узнаем мы Христа сегодня или нет, зависит только от того, позволим ли мы быть нашему внутреннему человеку. Наш внутренний человек это то, что прочнее любых отвлеченных идей или кровных уз связывает нас друг с другом, не дает нам затеряться в самих себе ни как в народе, ни как в творческом меньшинстве, ни как в личности. Только в этом случае, то есть если мы не отвернемся от тайны внутреннего человека, можно избежать пропасти между народом и творческим меньшинством, между творческим меньшинством и личностью, между личностью и личностью, ведь именно между двумя людьми, порою самыми близкими, разверзается пропасть. Пропасть разверзается тогда, когда людей уже не связывает бездна. Бездна нашего внутреннего человека. «Неужели идти по водам, внутрь, в бездонность своей души?» – вопрошает Зинаида Миркина, одновременно отвечая. Да, только в бездонности нашей души мы встречаемся с Христом и узнаем Его сердцем. И разве не в этой мистической связи людей друг с

другом состоит тайна и чудо Божественного Троиинства? «Мы не делимы друг от друга, как ветки одного дерева, – вот евангельская реальность»³, – говорит Миркина. И разве тайна подлинно личностного бытия может обойти стороной тайну соседней жизни, тайну быющего рядом с тобой, и как будто бы даже в тебе самом, сердца. Наиболее полно эта тайна воплощена в образе Христа, который отдает жизнь за быющее рядом наше сердце.

«Записки гадкого утенка» – это еще и роман о жизни. О жизни долгой, прожитой без прицела быть описанной, и все-таки удивительно полно и ярко описанной. Каждой страницей автор задает нам вопрос: заботимся ли мы о чистоте и глубине своих впечатлений и воспоминаний? Охвачены ли они светом или погружены в серый липкий туман жизни? От того, как мы поступаем с запечатленными в нашей душе образами, зависит наше отношение к женщине, к ребенку, к Богу. Впечатления и воспоминания – это тот колодец, из которого мы черпаем самих себя. Впечатления, если они глубоки, разгоняют туман смерти.

Кажется, что когда у автора исповеди заканчиваются слова, начинает звучать его душа, и звучит она в стихах Зинаиды Миркиной, того человека, которому он обязан своим рождением в слове. «Главные сдвиги еще должны были случиться в жизни. Я чувствовал, что Зина, как саламандра, умеет жить в огне. Я не умел. Я только любил огонь и тянулся к нему. Когда мы сблизилась, я сказал: ты нашла себя в том, как пишешь, а я только в том, как живу, как люблю». Однако вскоре произошел прорыв к слову. Ничто не может сравниться с опытом открывания личности бесконечно тебе близкого и дорогого человека. Когда ты разглядел в нем пламя его божественной природы, начинаешь гореть и сам. Не требуется искать дров для такого костра. Горит все, к чему прикасается твой дух.

Вот что мне кажется очень важным и о чем следует сказать со всей определенностью. Не только рай не может быть водворен насильственно, многие социальные проектировщики сломали себе на этом зубы, но и ад не может быть водворен насильственно. Даже ад? Да, даже ад. Выбор ада – это акт свободной воли. Только она, наша полная добрая воля и может отнять у нас свободу, а больше никто. Ад – это добровольный отказ от свободы и Бога. И не стоит аду приписывать ничего лишнего. Не нужно сластить ад ужасами, к которым наша душа и ее добрая воля непричастны.

Зинаида Миркина написала:

И все. И больше ничего.
А может, большего не надо?
Довольно сердца моего,
Чтобы разрушить планы ада...

Григорий Померанц и Зинаида Миркина подбираются к одной и той же глубине с разных сторон. Путь, прочерченный словом каждого из них, жизнью каждого из них, особый путь, неповторимый, но в то же время их слова и их жизни настолько перекликаются, что возникает поразительное ощущение искомой красоты человеческих отношений. На это способны только люди, разорвавшие путы «крови и почвы», люди, прошедшие через второе, то есть духовное рождение, заново друг для друга и друг в друге родившиеся. Возможным это стало благодаря чуду – Зинаида Александровна чудом поднырнула под свою болезнь, удержала душу на высоте призвания. Григорий Соломонович чудом уцелел в годы Большого террора, прошел войну, лагерь, пережил личный апокалипсис – уход из жизни Ирины Муравьевой, – своей первой большой любви. Но нет ничего возможнее чуда, когда ты устремляешься к истоку своей личности, когда ты выбираешь ту часть самого себя, которой нет износа и смерти. «Наглядевшись в глаза заката, Зина вдруг резко поворачивается и молча требует, чтобы я принял и разделил с

³ Миркина З. А. Избранные эссе. Пушкин. Достоевский. Цветаева. М.: Модерн, 2008. С. 153.

ней это напряжение творчества, и я чувствую себя недостойным священником, получившим в руки Святые Дары». Да, наверное, именно так это и происходит – поверх слов, но не мимо глаз.

Сейчас я коснусь, быть может, одного из самых дискуссионных моментов романа-исповеди. Приведу обширную цитату из «Записок»:

«Один мой оппонент заметил: “Померанц живет без берегов, а я так не могу. Если я верю в воскресение Христа, то я верю в воскресение Христа, а не во что-то около этого”. Как мне объяснить то, что Святой Дух всегда только *около* слов, *около* буквы? Что только сердце познает Бога, а слова *все* лгут. Что мысль изреченная, – о Боге – есть ложь (или, говоря мягче, только слабое и неточное подобие)? И привязываться к этой лжи как к истине, к метафорам, за которыми непостижимая и не тождественная никакому слову реальность, – значит изменять глубине?»

Берега, о которых говорил оппонент Померанца, это – священная буква, но всякая буква гораздо меньше духа. Можно сказать и по-другому. Буква священна лишь тогда, когда она знает, что она только буква. Именно берега способны незаметно для нас самих превратиться в ту букву, которая заслонит собою дух. Померанц не пропагандист широких взглядов, он – певец Единого духа.

Все великие религии мира находятся в движении, и нравственные их глубины, нравится нам это или нет, перекликаются. Воистину, дух веет, где хочет. Именно этот непостижимый Единый дух, по мнению Померанца, выражен у Достоевского в «Сне смешного человека». Глубина созидает, ничего не разрушая. Ей не нужно расчищать место для самой себя, потому что во внутренних небесах человека места хватит всем. Религиозные же войны и человеконенавистнические теории возникают лишь на поверхности вселенских вероисповеданий. Поднырнуть под нетерпимость и ненависть, вывести на чистую воду своего массового человека с его узкой племенной психологией, обнаружить в этом узком человеке его же собственную глубину и есть наша задача. Отход от поверхности и тех бурь, которые терзают ее, это вовсе не отречение от своего хребта или от наказа предков.

Промежуточные оценки, оценки порою жесткие, безусловно, нужны. В них ясно сказывается наше отношение к греху как к дремучей силе, которая разлучает человека с его собственной глубиной. Но даже в них, в этих оценках, обязательно должен быть воздух, которым дышит наша жертва-оппонент. Грех осуждается, а не грешник. «Христос был нетерпим к греху – и снисходителен к грешникам. Это смущало, сбивало с толку евреев. Большинство евреев не поняли Христа. Но большинство христиан его так же не понимают», – с горечью замечает Померанц. Словом, мы должны оберегать воздух нашего оппонента от нашего же праведного гнева. «Неистовство – даже в борьбе с дьяволом – насыщает дьявольщину нашей энергией». Памятны и другие слова Померанца, ставшие уже крылатыми: «Дьявол начинается с пены на губах ангела».

Рассуждая об атеизме, Антоний Сурожский замечает, что «очень многое в безбожии рождено не отрицанием Бога, Какой Он есть, а Бога, Каким мы Его представляем». И далее: «Если взять историю христианского мира, то можно отшатнуться. Мы так часто – и в нашей отечественной истории, и на Западе – представляли Бога в таком виде, что можно сказать: я не могу признать в Нем свой идеал»⁴.

Между Богом, каков Он есть, и Богом, каким мы Его представляем, пролегает большая пропасть, чем между двумя отдельно взятыми людьми. И чтобы узнать Бога, Каков Он есть (не станем уходить от этой формулировки), нужно прежде всего захотеть узнать и понять другого человека, нужно доглядеть в другом человеке Бога. Доглядеть в другом человеке Бога, в последнюю очередь отдавая себе отчет в том, какой он национальности и вероисповедания.

⁴ Антоний, митрополит Сурожский. Человек перед Богом. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Сурожского», 2010. С. 58.

Необходим диалог религиозных мирозерцаний и готовность к диалогу, который не заменят манипуляции мировоззренческими штампами. Нужен разговор. Причем такой разговор, где паузы между репликами (мысль неизреченная) не менее важны, чем слова. Где секунданты не науськивают дуэлянтов друг на друга, как петухов, подливая масло в огонь страстей человеческих. Необходим такой разговор, итогом которого станет проникновенное молчание, а не победа. Вот в какое общение вслед за проповедником и богословом Александром Менем и мыслителем Владимиром Библером с его философией диалога культур призывает нас Померанц. Вот поверх каких барьеров, порою искусственно возведенных рабами буквы, он пытается смотреть. И процесс «становления вселенского духа понимания» – таким видится ему сокровенное движение человека к человеку, а значит, и человека к Богу, – не есть утопия или пустые мечтания философа. Это трудно, почти неподъемно, но осуществимо. Тост шестидесятых: «За успех нашего безнадежного дела!» не теряет своей актуальности и сегодня. Хотя наполняется каждым следующим поколением свободлюбивых людей новым содержанием.

Нам дано почувствовать что-то, что глубже смерти и больше жизни. Нам открывается предельная глубина. Жить на этой глубине, это и значит слышать Бога. Автор «Записок» хочет донести до нас такую, вроде бы простую истину, но одно дело прочитать о ней и забыть, и совсем другое – творчески следовать ей.

Когда мы выдаем свою культурную ограниченность за духовную просветленность, мы поневоле лукавим. Если превратить эту подмену в привычку, то можно далеко уйти от того сияния, которое поманило нас. Можно даже и вовсе потерять из виду те лучи, которые призвали к ответу все наше существо, все наши возможности, в том числе и способность критически мыслить. Критике мы подвергаем не святыню, а свою поверхностную к ней причастность. Язык Будды, язык Индии мягче, терпимее, отмечает Померанц и, развивая свою мысль, показывает, что категории добра и зла, истины и лжи – дети средиземноморской логики. Не следует ли из этого, что язык Будды и язык Индии нам глубоко чужд? И что наш культурный горизонт должен ограничиться уровнем палубы, на которой мы, конечно же, чувствуем себя в большей безопасности, чем на вершине мачты? Ответ автора «Записок» на этот вопрос недвусмыслен. Те мирозерцания, которые обошла стороной религиозная революция, именуемая монотеизмом, не могут быть чужды тому, кто верит в Единого Бога. Зерна трепетного отношения к жизни не только своей, но и чужой, так щедро рассыпаны рукой Творца, что их можно отыскать во всех концах земли. Важно лишь то, что мы хотим найти, что созвучно нашей душе – проявления жертвенности, опыт внутреннего преображения или пещерный страх перед Другим как перед чужим. А от чужого, как известно, следуя логике массового человека, ничего хорошего ждать не приходится. Конечно, человеческие возможности и время, отпущенное нам, не безграничны. Душой прикипаешь к одному – самому важному, самому главному. И нередко это главное приобретает вполне конкретные очертания.

Приходит час, и замираешь у какого-то одного окна, в котором перед внутренними очами и разворачивается бездна. Однако не стоит забывать о том, что хотя бездна и одна, да окон много. И не существует греха более страшного, чем гордыня вероисповедания. Она сродни морали подпольщиков, которая нередко оборачивается презрением к племени обывателей. Через этот соблазн проходит любой гадкий утенок (у многих людей фигура Померанца ассоциируется с диссидентским движением), и только истинный странник, мудрец, учитель, каким и стал автор «Записок гадкого утенка», сможет устоять перед этим соблазном. Гордыня – это вирус, который подхватывается замкнутым кружком, а уж кем этот кружок себя считает – тайной сектой или самой многочисленной религией в мире, не имеет большого значения.

Сбывшаяся жизнь больше, чем осуществившаяся мечта. Потому что сбывается не только то, о чем ты просишь, но и то, что предназначено тебе твоею сущью, до конца открытой только Богу. Однако жизни, как и дару свыше, – можно и нужно учиться. Тот, кто не обладает силой удержать высший дар, получит что-то другое, что-то сложное и хлопотное, но только не дар.

Не знаю, есть ли во мне подобная степень открытости Единому духу, что и в Григории Померанце. Есть готовность к ней, но сознание все еще цепляется за образы зримые, а точнее, за видимую сторону Непостижимого. Говорю это, положа руку на сердце, и не пытаюсь свидетельствовать о том, к чему только приближаюсь.

Конечно, религиозный фундаментализм – крайняя форма нетерпимости, но сколько существует других форм, более цивилизованных, но не менее опасных. Ничто не дает мне права настороженно, а порою и враждебно относиться к Другому лишь на том основании, что без этой опаски и даже брезгливости я что-то важное утрачу, и как бы обману свое сердце. Нет же, не обману! Обману, если подсоблю любви ненавистью, даже не ненавистью, а рабской привязанностью к привычке самодовольно все мерить на свой аршин. Этот аршин не моя мера, мне лишь дали за него подержаться, чтобы я задарма ощутил свою собственную значимость. Аршин рассыпается в пыль пред лицом Бога.

На семинарах Померанца и Миркиной, а в зале было яблоку негде упасть, с завидной регулярностью ставились два вопроса, которые не дают нам, слушателям, покоя. Как заставить современного человека духовно прозреть? И как прорваться к самому себе? В «Записках гадкого утенка» содержатся ответы на эти простые вечные вопросы. Простые вопросы предполагают простые ответы. Если хочешь сделать людей лучше, начини с самого себя, тогда и их жизнь непостижимым образом и почти без твоего вмешательства изменится. А прорваться к самому себе можно, только поднырнув под смерть. Причем, поднырнув не огромным коллективом пловцов, которые идут на духовный рекорд, а – в одиночку, чтобы, вынырнув, соединиться со всей жизнью, ощутив свою пронзительную связь с каждым ее дыханием. «Вечен не я, вечен присутствующий во мне Бог, вечен Океан света, на миг влившийся в щель моей плоти...» («Записки гадкого утенка»). Свет этот не удалось описать ни Марксу, ни Фрейдю. В Океане света тонет и царство истории, в котором XX век отвел человеку роль механизма, и царство души, понятой поверхностно. Новые времена – достойные преемники отшумевшего столетия. Они получили массового человека во всей его красе и продолжают снабжать его проверенным кормом – иллюзиями, страхами и гордыней. Противостоять этому можно только всем собой, на потаенной беспредельной глубине самого себя, где и происходит встреча с Богом.

Духовный путь Григория Померанца и Зинаиды Миркиной – это опыт преодоления смерти. Творческое меньшинство, как называет Померанц сегодняшнюю интеллигенцию, должно хотя бы попытаться осознать, насколько этот опыт может нам пригодиться, и почерпнуть из него то, что по силам каждому из нас.

Февраль 2013 г.

Вестничество Зинаиды Миркиной

*О боже, сколько их сегодня
В любом краю, в любой судьбе
Безмолвных вестников Господних,
Вещающих не о себе.*

З. Миркина

1

Стихи Зинаиды Миркиной подобны благодарственной молитве. Строго филологическим, философским или богословским анализом творчество столь оригинального поэта и мыслителя, как Миркина, ограничить невозможно. На свой страх и риск я пройду по границам этих областей, по «ничейной полосе», предоставляя поле фундаментальных исследований профессионалам.

Сразу хочется исключить возможность сравнения ее поэзии со стихами, как выразился Адамович, «вячеславо-ивановского образца» – «торжественными, велеречивыми, парящими в заоблачных высях»⁵. С котурнами у Зинаиды Миркиной нет ничего общего. Ее внутреннему ладу присущ тот же мистический трепет, что и стихам Даниила Андреева, вот только она не дает воли тому воображению, которое, прельщаясь собственными возможностями, черпает силу в самом себе. Приподнятость ее речи – это зов в глубину и даже в бездну. Не бездна должна внушать нам страх, а топтание на ее краю, наш бесконечный ропот.

Знатоку творчества Миркиной литературному критику Эмилю Сокольскому принадлежат несколько превосходных рецензий на стихи Зинаиды Александровны. Но столь проникновенные отзывы, столь искренний отклик, в котором ремесло критика не затмевает первый всплеск его живейшего интереса, довольно редки. Вот с какой отстраненностью определяет жанр ее стихотворных посланий литературовед Олег Мраморнов: «Мистическая патетика и лирика», «Опыты спиритуалистической поэзии»⁶. А вот с какой вовлеченностью отзывается о них культуролог и богослов Григорий Померанц: «Мистическая поэзия», «Поэзия священной глубины». Вполне доброжелательно настроенный литературовед скользит по поверхности явления, пытаясь поставить творчество не близкого ему автора в привычный для него ряд литературных и окололитературных явлений. Но все дело в том, что поставить ее в один ряд с кем-либо из современных поэтов невозможно. Такого ряда не существует. Григорий Померанц указал на следующую литературную преемственность: «Зинаида Миркина (...) переводила Тагора, Рильке, суфийскую лирику. В этот же ряд становятся и ее стихи»⁷. Итак, речь идет о поэзии священной глубины. В ней горстью слов передается бездна смыслов, причем не кружным путем, а кратчайшим.

* * *

Ответить Богу – значит среди ночи

⁵ Адамович Г. Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. С. 235.

⁶ См. Мраморнов О. Страсть к целому // Новый мир, 2000, № 7.

⁷ Померанц Г. Устами поэта // Миркина З. Потеря потери. М.: evidentis, 2001. С. 345.

Проснуться вдруг по первому же звуку:
– Я здесь. Я – вот. Твори со мной что хочешь.
Я – тетива натянутого лука.
Не отвлекусь уже ни на мгновенье
От рук Твоих. Я ожидаю взмаха.
Я вся с Тобой в священный миг творенья,
В миг созидания меня из праха.

В стихах Зинаиды Миркиной сквозит Личность Бога. Он взирает в простую ясность Своего существа, как выразился бы немецкий мистик Мейстер Экхарт. Можно относиться к этим стихам как к богословским трактатам, а можно как к философским эссе, но прежде всего это поэзия, то есть взгляд «сквозь обличья», глубоко символическое переживание невыразимого опыта души. С философией поэзию Миркиной роднит не рациональный подход, а поиск онтологических оснований всех вещей.

* * *

Мне в этой жизни довелось
Дослушать каждый звук.
Все вещи доглядеть насквозь
И очутиться вдруг
В потустороннем, за судьбой,
Как будто пройден мост,
Соединяющий с собой
И с каждой из звезд.

Не вполне уместно в разговоре о поэзии касаться области философского знания. Не принято поднимать в связи с художественным творчеством и вопросы сугубо религиозного характера. Считается, что каждой из этих сфер отведено свое место. За философией зарезервировано пространство преимущественно интеллектуальное, за религией – преимущественно духовное, а за искусством – преимущественно душевное. Но читая строки: «Сегодня бродила я в царствии Божьем / Там все, как у нас, только проще и строже, / Там все, как у нас, только чище и выше, / Прозрачней и глубже, светлее и тише», понимаешь, что подобное разделение надуманно и даже кощунственно. Современному человеку представляется уже невозможным соединить три сферы, три мира, причем соединить их без единого шва, а ведь это так необходимо! Опыт бесшовного слова я бы и назвал все стихи Миркиной, которые не из нее исходят, а через нее идут.

* * *

Мне надо стать бумагой белой,
Жить в совершенной тишине.
И ничего самой не делать,
Чтоб Ты мог действовать во мне.
Мне надо быть открытой Дверью
В ту глубь, где всё просквожено
Такою полнотой доверья,

В которой я и Ты – одно.

О Боге можно говорить только языком поэзии. Когда философия забывает о языке поэзии, она забывает и о Боге. И тогда философия становится мертвым знанием книжных мудрецов. Истину нельзя описать словами. Философия же порой именно это и пытается сделать. Она откалывает от слова все лишнее, то есть все то, что мешает торжеству абстракции. Она делает вид, что разум не нуждается в запредельной полноте слова. Такая философия превращает все слова в откалиброванные гири. Философ почти всегда говорит о любви не так верно, как поэт, а значит, философ говорит и об Истине не так верно, как поэт. Поэт же часто говорит как пророк, а пророк всегда говорит как поэт. Только язык поэзии достигает нашего сердца.

* * *

На гору поднимись. Молитву соверши.
Не разжимая губ, без жеста и без слова.
Есть зеркало воды и зеркало души,
И зеркало одно глядится внутрь другого.
И больше ничего в огромном мире нет.
И в глубине зеркал сейчас родится свет.

Не только философия, но и богословие может ослабить свет Бога. Это происходит тогда, когда богословие из учения созерцателей превращается в свод толкований. Сентенции теолога могут быть прозорливы, а могут быть и поверхностны. Ни менторский тон, ни вкрадчиво-доверительные нотки не заменят пророческого слова. Теолог в качестве регистратора готовых истин похож на птицу с одним крылом. В этой птице нет полета, хотя есть и перо, и клюв и рвение. «Богословие делит священную реку на рукава. Поэзия соединяет их в стремлении к устью»⁸, – писал Померанц. О любви и об Истине можно говорить только языком любви и языком Истины, а значит, языком поэтическим. Не беда, что зачастую в этом языке очень мало слов и они так прозрачны, что как будто бы их даже и вовсе нет.

* * *

Больше не найдёте
Прописных основ.
Слово стало плотью, –
Значит – нету слов.

Дрогнувшее пламя,
Тверди рваный край, –
Значит – не словами, –
Жизнью отвечай.

Все ее стихи выходят из Бога и тонут в Нем. Кто такой Бог? – спрашивает она всей собою и всею собой отвечает. И даже не важно, что отвечает. Важно, как спрашивает. Потому что

⁸ Померанц Г. Устами поэта. С. 346.

у каждого есть, должен быть свой ответ на этот вопрос. И все-таки, каков ее ответ? Бог – это совершенная любовь, изгоняющая страх. Страх физический, страх перед наказанием обязан умереть, чтобы осталось иное: тайный трепет, боязнь причинить боль Богу. Когда сердце открывает Бога, оно боится только одного – ранить Бога. А больше ему никакой страх и невдом.

Бог не заковывает в цепи
И не разит мечом железным.
Страх Божий – это тайный трепет
Души пред собственной бездной.

Сердце не может бояться Того, Кого оно беззаветно любит. Или боишься, или любишь. А если и боишься, и любишь, значит, еще не любишь. Любовь готова принять всё в своем избраннике и разделить со своим единственным всё, но и спрос ее так велик, как велик возлюбленный ее. Любовь не от мира сего. Она от Бога. И так, как Бог спрашивает с человека, так и сердце спрашивает с Бога. И вопросы любящего сердца всегда безжалостны и горячи. И Богу нужна эта наша безжалостность, этот наш огонь. Мы переворачиваем сердце Бога, и Он снова и снова рождает нас, дарит нас Своим отцовством. Мы хотим обмануть Бога, когда заискиваем перед Ним, когда надеемся снискать расположение рабской покорностью. А Ему нужна вся правда о Нем, на которую только и способно сердце. Ему нужен сын. И Отец ищет сына среди нас. И отыскивает сына по тем вопросам, которые ставит сердце своей глубине. Бог верит, что мы готовы задать Ему эти последние вопросы. Вот что имеет в виду митрополит Антоний Сурожский, когда говорит, что Бог верит в человека. Ведь если мы Отцу не задаем самых тяжелых на свете вопросов, то и перед собою их не ставим. Мы уже не спрашиваем себя – добры ли мы, милосердны ли мы, правдивы ли мы в любви? А если мы задаем эти вопросы Богу – милосерден ли Ты, правдив ли Ты? Если мы осмеливаемся их задавать, то как мы можем не задать их себе? В этом богоугодном богоборчестве и сбывается душа. Вот как о родах духа сказано в последних строфах стихотворения Райнера Марии Рильке «Созерцание» в переводе Бориса Пастернака.

Так ангел Ветхого Завета
Нашел соперника под стать –
Как арфу, он сжимал атлета,
Которого любая жила
Струною ангелу служила,
Чтоб схваткой гимн на ней сыграть.

Кого тот ангел победил,
Тот правым, не гордясь собою,
Выходит из любого боя
В расцвете и сознании сил.
Не станет он искать побед.
Он ждет, чтоб Высшее Начало
Его все чаще побеждало,
Чтобы расти Ему в ответ.

И ровно о том же, но по-другому сказано в стихотворении Миркиной.

* * *

О, это сочетание боли
И творческой могучей воли!
Внутри боли Божие вторжение,
Как вход огня во внутрь поленьев.
Борьба, скрещение двух волей –
Сгорающая в Боге боль.

Поэзия Миркиной – это столь мучительно личное и радостно личное переживание Бога, что читателя, привыкшего доверять чужому, а не своему опыту, она смутит. Где та почтительная дистанция? Где тот охранительный барьер? Но не есть ли дистанция лишь отговорка, имеющая вид законного оправдания, чтобы скрыться от самих себя и отдалиться от Бога. Почитание Его на безопасном расстоянии и есть узаконенное богоубийство. И напротив, единение с Ним в борьбе за Него вплоть до ощущения Его совершенства означает рождение в Нем.

Вера, построенная на страхе, мертва. Такая вера замешена на земном чинопочитании. Это холопская вера, корыстная вера. Пророк Иеремия передает так слово Господа к Израилю: «И дам им одно сердце и один путь, чтобы боялись Меня во все дни жизни, ко благу своему и благу детей своих...» (Иер. 32:39). Но вот праведник Иов переворачивает сердце Бога своими дерзкими вопросами. И страх, ведущий ко благу, тот страх, в котором живут благочестивые друзья Иова, оказывается вовсе не тем, что угодно Богу: «...вы говорили обо Мне не так верно, как раб Мой Иов» (Иов. 42,7). Вот как звучат в переводе Миркиной строки суфийского поэта Ибн аль-Фарида.

И все страданья Иова – ручей,
Текущий в море горести моей.
Когда бы стон мой услышал Аллах,
Наверно б, лик свой он склонил в слезах.

Суфий верит в то, что Всевышний готов всем сердцем откликнуться на его существование и разделить с человеком если и не его судьбу, то всю палитру его переживаний.

У Бога есть сердце, и есть душа. «От всего сердца Моего и от всей души Моей» говорит Бог-ревнитель устами пророка. Вот почему и у человека есть и сердце, и душа. И высоко призывание нашего сердца, и во всех краях неба видна работа нашей души.

* * *

Всемогущее сердце моё –
Бесконечных миров сердцевина.
Ты, наполненное до краёв,
Со Вселенною всею едино.

О, лесная великая тишь,
Чудотворная сила безмолвья,
Это ты моё сердце растишь.
Это ты его тайною полнишь.

Омываясь в твоей тишине,
Я прощаюсь со знанием ложным.
Всё, что истинно надобно мне,
То воистину сердцу возможно.

Всемогущество Бога имеет таинственную связь с всемогуществом сердца. Истинное всемогущество состоит в способности отказаться от всех своих притязаний ради свободы того, кого ты любишь. Исаак Сирий написал: «Нет страдания более жгучего, чем любовь к Богу»⁹. С этим страданием может только сравниться, а может быть, и никогда не сравниться, любовь Бога к человеку. Не она ли и является мерилom, то есть полной мерой страдания и любви?

Легли густым покровом облака.
В лесу темно, торжественно и строго.
Земная боль безмерно велика,
Но кто измерит всю безмерность Бога?

После того урока смирения, который Бог преподал человеку, став человеком, мы уже не можем поставить знака равенства между всемогуществом и властолюбием. А как часто мы именно так и поступаем. Вот почему между всемогуществом сердца, доглядывающим себя в Боге, и властолюбием сердца, доглядывающим себя в звере, пролегает пропасть. И вот почему строка «Всемогущее сердце мое» внутренне соседствует со строкой «Я – никто. Я – лишь только окно», ни в чем ей не противореча.

* * *

Как упорна она, как давно
Мысль простейшая бьется во мне:
Я – никто. Я – лишь только окно.
Я – пробоина в твердой стене.

Только плотность стены прорубя,
Только после великих потерь
Понимаю: я – выход в Тебя, Я – к Тебе приводящая дверь.

С целым миром окончился спор.
Я – никто. Обо мне позабудь.
Я есмь вход в бесконечный простор.
Только вход, только дверь, только путь.

2

Как часто наш рассудок пытается извлечь практическую пользу из того, чему сердце позволило просто быть, чему сердце не стало назначать цену, а вместило целиком и без условий.

⁹ Исаак Сирий, преподобный. О божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. С. 188.

Непонимание между людьми на уровне мировоззрений как дверей закрытых и даже заколоченных должно восполняться художественной интуицией, чувством красоты, которое распаивает все двери запирающегося ума. И хотя чувство красоты – редкий дар, его можно и нужно развивать в себе. В статье «Устами поэта» Григорий Померанц писал:

«Опыт суфийской поэзии, более тысячи лет жившей рядом с догматическим исламом, то сталкиваясь с ним, то заключая мир, заставляет думать, что поэтический путь к Богу никогда не станет всенародным. Для этого нужна поэтическая одаренность (...) Тождество поэзии с откровением всегда находило страстных последователей, и я не думаю, что они когда-нибудь исчезнут. В поэзии религиозного созерцания тонет несовместимость религиозно-философских и богословских систем. В ней рождается чувство, что любая человеческая речь, подсказанная Богом, – только перевод с божьего на человеческий; и поэтический перевод лучше, чем логически правильный подстрочник, ближе к подлиннику, не доступному человеческому уму. Родство мистической поэзии, мистического искусства разных культур становится прообразом родства великих религий...»¹⁰

¹⁰ Померанц Г. Устами поэта. С. 368.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.